

Культура: быть для Христа

Запись выступления Давиде Проспери
на собрании итальянской Ассоциации культурных центров

Милан, 18 мая 2024 г.

Прежде всего я хотел бы сказать, что мое сегодняшнее выступление является результатом длительной совместной работы над темой культурного присутствия с теми, кто разделяет со мной руководство Движением. Как мы неоднократно повторяли в последние годы, авторитет предлагает суждение, которое является выражением общения. В этом суждении содержится и мой личный многолетний опыт как ответственного Движения сначала рядом с отцом Джуссани, потом с отцом Карроном и сейчас в той роли, которая была мне доверена нашей компанией.

Время для пересмотра, распознавания, обновления и нового начала миссии

Я хотел бы начать со слов, произнесенных папой Франциском на аудиенции, данной «Общению и освобождению» 15 октября 2022 года: «Как бы то ни было, имели место серьезные проблемы, разделения, а также оскудение присутствия столь важного церковного движения, как «Общение и освобождение», от которого Церковь и я сам ждем большего, гораздо большего. Кризисное время – время переосмыслить вашу необыкновенную историю милосердия, культуры и миссии, время критического распознавания того, что ограничило плодотворный потенциал харизмы отца Джуссани, время миссионерского обновления в свете настоящего момента в жизни Церкви, а также нужд, страданий и надежд современного человечества».

Я думаю, что из этих слов Святейшего Отца очевидно, что путь воспитания, который Церковь, как и наша собственная история вверяет нам в этот исторический момент, должен сопровождаться серьезным размышлением о наших истоках, о том, что мы обычно называем «харизмой», в том числе и в отношении тем, предложенных в прошлые годы, и тех, над которыми мы хотим продолжить работать в будущем. Вот почему я хотел бы воспользоваться этой встречей, чтобы попытаться изложить свою озабоченность в отношении центральной для нас темы культуры. И я надеюсь, что это также поможет показать, что все, что я подчеркивал в последние годы, было не для «исправления» учения моих предшественников, – мне иногда приписывают это намерение – а скорее для расширения используемых нами понятий, которые – в том числе и в соответствии со словами папы – нуждаются в дальнейшем развитии.

В те годы, когда Движение возглавлял отец Каррон, основное суждение, посвященное культурному присутствию, воплотилось в очень действенном выражении «*безоружная красота*». Это выражение, как мы знаем, дало название книге, которая собрала некоторые из его переработанных для печати выступлений, была переведена на несколько языков и представлена в разных частях мира¹.

Это прекрасное выражение содержит понятие, которое подразумевает, что красота «безоружна» в том смысле, что бескорыстное свидетельство об опыте, облеченной встречей со Христом, содержит в себе красоту, способную поразить сердца, убедить другого в своей состоятельности, ничего не навязывая, более того, превознося в нем свободу присоединения. Я еще вернусь к этому чуть позже.

Сохраняя этот образ, я хотел бы подчеркнуть однако, что красота всегда, в определенном смысле также «вооружена», как я постараюсь это доказать чуть позже. Мне кажется, что именно этот аспект, которого не хватало в последние годы в нашем разговоре о культуре, мы стремимся вновь обрести. Конечно, неизбежно в определенные периоды подчеркиваются одни аспекты, а в другие на первый план выходят другие. Проблема возникает, когда определенное суждение, вынесенное в особом историческом контексте, в дальнейшем понимается или истолковывается однобоко. Именно это, например, частично произошло с темой культуры, спровоцировав непонима-

1 J. Carrón. *La bellezza disarmata*. Milano: Rizzoli, 2015.

ние и разделения, особенно среди тех, кто прожил насыщенный опыт присутствия в различных сферах с отцом Джуссани. Речь о тех непониманиях и разделениях, чьи последствия мы наблюдаем вплоть до сегодняшнего дня. Прежде всего я хотел бы избежать возможного недоразумения, которое могло бы спровоцировать своего рода *проклятие забвением* нашего недавнего прошлого или даже уничтожение всего, что было сказано за последние пятнадцать лет. Напротив, начиная с признания объективно положительной ценности того, что было сказано и сделано до сих пор, мы стремимся пролить свет, или, лучше сказать, расширить взгляд на полноту воспитательного предложения отца Джуссани, в котором культурное присутствие имело основополагающее значение. «Поэтому призываю вас и ваших коллег продолжать начатую работу, направленную на поддержание целостного взгляда на харизму»², – сказал нам недавно Святейший Отец.

Красота – это сияние истины

В каком же смысле красота является также «вооруженной»? Я начну с того, что красота, о которой мы говорим, как красноречиво свидетельствует история, пробудила и пробуждает привлекательность и присоединение, но также сопротивление и отказ. Почему? Потому что красота, как, опираясь на традицию Церкви, всегда говорил нам отец Джуссани, – это *splendor veritatis*, сияние истины и блага: красота – это явление славы Христа, и в своем сиянии эта слава не обязательно всегда пробуждает привлекательность, но может также спровоцировать отторжение в зависимости от позиции сердца, с которым она встречается. И если бы красота не сияла таким сильным сиянием, которое несет в себе целостное предложение истины Христа, она была бы не красотой Христа, а чем-то иным. Иными словами, суть заключается в том, что красота Христа – это также меч, она влечет но и оспаривает, бросает вызов, ранит, и поэтому красота также «вооружена». Не потому, что ей требуется поддержка внешнего «оружия» (поддержка государства, например), но потому, что по своей собственной природе, сияя истиной и благом, через свое воплощение, то есть свое событие, предложение себя, она также противопоставляет себя нашим ме-

2 Франциск. *Письмо Движению «Общение и освобождение»*, 30 января 2024 г.

рам, то есть «миру»³ И таким образом она ставит нас в неудобное положение, входит в борьбу, в полемику с нашими привычными убеждениями, поскольку требует, чтобы мы любили истину, больше самих себя, что всегда предполагает определенную жертву. Следовательно мужественно предлагая себя и занимая определенную позицию, красота не теряет своего сияния, даже противопоставляя себя миру, поскольку она получает «силу» в церковном общении и богатстве ее *традиции*. Красота не только ничего не теряет, но являет свою суть. Отсюда происходит важное следствие: мы не должны всякий раз начинать все сначала, мы можем созидать, опираясь на определенную историю, которая достигла нас во всей своей конкретике. Как мудро говорили в Средние века, мы карлики на плечах гигантов. Чем можно было бы объяснить богатство тех дел, которые вы сегодня здесь представляете, если бы христианское присутствие и свидетельство были лишь результатом давления или субъективного усилия? Разумеется, речь идет о *личном* вопросе, однако необходимо устранить из этого слова всю возможную двусмысленность, способную свести ее к *индивидуальному* или *индивидуалистичному* характеру, когда «я» не включает в себя «мы», то есть зрелое сознание принадлежности. Когда отсутствует это «мы», наше присутствие становится хрупким и остается незрелым, как мы сказали на упражнениях Братства.

Зрелая вера – это вера, питаемая дружбой Христа, которая прежде всего выражается в нашем зримом общении, реализуемом во всех аспектах нашего отношения с реальностью. Отец Джуссани во время одной из встреч со «Студенческой молодежью» в 1979 году, рассказывая о своей недавно состоявшейся первой аудиенции с Иоанном Павлом II, определил общину следующим образом: «Таким образом община дня нас – это выражение *онтологической реальности*, глубинного бытия, реальной истины. Именно потому, что мы одно, мы должны выражать себя в братстве, в общине»⁴.

-
- 3 Говоря о началах «Студенческой молодежи», отец Джуссани писал: «Тогда я часто вспоминал об одной фразе, на первый взгляд антиэкуменистической, из книги монсеньора Гарофало, которую я прочитал еще в лицее: „Христианство вошло в мир в полемике с миром“. [...] Потому что и для меня это так: христианство продиктовано нам или достигает слуха нашего сердца и сознания в оппозиции, в противопоставлении, в борьбе, в полемике с тем, как мы обычно думаем, что мы обычно думаем и как мы обычно себя ведем» (Л. Джуссани. *Я, власть, дела. Размышления, почерпнутые из опыта*. М.: Христианская Россия 2004. С. 141).
- 4 Отец Джуссани продолжает: «Но община состоит не в совместных собраниях. Община – это мое измерение. Когда я сегодня иду по своим делам, я несу в себе, пусть и не в непосредственных деталях,

Во время Дня начала года мы слушали слова Бенедикта XVI: «Наша вера является по-настоящему личной, только если она также общинная»⁵. В том же выступлении 1979 года, которое я только что процитировал, отец Джуссани цитирует слова Иоанна Павла II [обращающегося, в свою очередь, к энциклике *Evangelii Nuntiandi* Павла VI]: «Евангелизация никогда и ни для кого не является индивидуальным и изолированным действием, напротив, она носит глубоко церковный характер... действие всей Церкви»⁶. Джуссани подтверждает это: «Почему мы так настаиваем на общинном измерении? Потому что совместное пребывание не только придает сил, оно прежде всего является долгом. Община, совместное пребывание – это выражение общения»⁷.

Почему воспринимаемая «субъективно» вера критикуется Бенедиктом XVI и отцом Джуссани? Потому что она рискует потерять свою телесную истину, тот самый *Факт*, свестись к религиозному чувству. Основополагающая категория христианства, о которой столь настойчиво говорил отец Джуссани, иначе говоря, категория *события* подвергается риску опустошения, поскольку легко смешивается с эмоцией, которую в нас пробуждают хорошие или плохие, главное, запоминающиеся, обстоятельства. Эта опасность очень актуальна сегодня и для нас, как мы уже сказали об этом на Дне начала года⁸.

Но именно зрелая вера, как учит нас отец Джуссани, является настоящим источником новизны присутствия в любой среде, рождая не только мысли и речи, которыми уже полны телевизионные передачи, газеты, социальные сети, но *места*. Как вы помните,

лица всех тех, с кем я нахожусь в общине, и хотел бы, чтобы это сознание было у всей Церкви, тогда наступил бы конец света. Потому что, если бы вся Церковь имела такое сознание единства и все христиане были бы действительно одним, это стало бы чудом конца света, потому что весь мир будет вынужден признать Его. Но это уже вибрирует, это чудо конца света, уже вибрирует в тех двух, кто признают друг друга, потому что оба имеют веру, говоря: „Мы – одно, мы вместе, и поэтому мы встречаем жизнь вместе“. Но даже когда кто-то находится дома, один из двоих находится дома, он несет в себе это отношение. Община и братство – это измерение, которое человек несет внутри себя, это внутренняя характеристика» (Fraternità di Comunione e Liberazione [FCL], *Documentazione audiovisiva*, Incontro di GS con don Giussani, Milano, 22 febbraio 1979).

5 Benedetto XVI. *Udienza generale*, 31 ottobre 2012.

6 Paolo VI. *Esortazione apostolica Evangelii Nuntiandi*. N. 60, 8 dicembre 1975 // Giovanni Paolo II. *Discorso alla III Conferenza Generale dell'Episcopato Latinoamericano*, Puebla, Messico, 1979.

7 FCL. *Documentazione audiovisiva*. Incontro di GS con don Giussani, Milano, 22 febbraio 1979.

8 D. Prosperi. *La fede, compimento della ragione*. Suppl. *Tracce*. N. 10. 2023. P. 11.

на нашем собрании два года назад, мы говорили, что культурный центр, независимо от своего размера, является местом встречи. Но чтобы встреча произошла необходимо присутствие, поэтому культурный центр призван быть местом присутствия. Обретающая зрелость вера, пусть через тысячи препятствий, возражений, а может даже открытых оскорблений, постепенно созидает места, в которых суждение веры освещает новым светом, светом лика Христа Воскресшего, жизненные обстоятельства всех мужчин и женщин нашего времени.

«Вернуться к исходным аспектам христианства»⁹

Теперь позвольте мне обратиться к некоторым размышлениям о том, что я считаю неотложным для нашей исторической задачи в общественном культурном действии. Как люди, принадлежащие определенному движению, или просто, как христиане, мы наделены миссией: новая жизнь, данная нам Христом в Крещении и оживленная во встрече с нашей харизмой, открывает нас для вселенского горизонта, где каждый становится уникальным присутствием в конкретном месте своей жизни. В какую форму должно облечься это присутствие? Жизнь первых христианских общин и их миссионерская деятельность, как рассказывают об этом *Деяния Апостолов*, помогает ответить на этот вопрос. Мы видим, что в этой деятельности всегда необходимым образом проявляются три аспекта.

Активное христианство

Книга *Деяния апостолов* свидетельствует о том, как все большее количество людей приходили к вере, привлеченные жизнью группы, которая встречалась в притворе Соломоновом. По этому поводу отец Джуссани пишет: «Так и начиналась Церковь, буквально „показываясь“ в притворе Соломоновом, предлагая другим первый свой зримый облик, первое представление, которое нельзя назвать иначе как общин-

⁹ «Я не только никогда не намеревался что-либо „основывать“, но полагаю, что дух Движения, зарождение которого я видел, заключается в том, что мы ощутили острую необходимость вернуться к исходным аспектам христианства, иначе говоря, страсть к христианскому событию как таковому в его изначальных составляющих, и все» (Л. Джуссани, *Письмо Иоанну Павлу II по случаю пятидесятилетия «Общениа и освобождения»*. 26 января 2004 г.).

ным»¹⁰. Жизнь этих первых христиан, братская любовь, радость и уверенность, с которой они проживали повседневные обстоятельства жизни пробуждали уважение и любопытство. Их жизнь была привлекательной. Таким образом, каждый их нас призван проживать и свидетельствовать о красоте и радости веры во Христа там, где он находится. Прочитую *Безоружную красоту*: «В этом состоит основополагающая задача христиан в плюралистическом обществе: быть самими собой и свидетельствовать о новизне жизни, которая возникает при встрече со Христом. <...> „Вклад христиан в историю имеет решающее значение, только если разумение веры становится разумением реальности“ (Бенедикт XVI)»¹¹.

Культурный диалог и суждение

Я хотел бы немного задержаться на этом пункте. Читаем далее *Безоружную красоту*: «Главный герой истории, которого мы описали выше, не боится необходимости жить в сложившихся условиях культурного плюрализма и точно не чувствует гнет претензий или жалоб. Именно в условиях кризиса человечности, загадочной летаргии и непобедимой скуки христианская вера может раскрыться человеку во всей своей целесообразности. Так произойдет, если мы сумеем своим опытом показать, что благодаря вере жизнь становится более человеческой, насыщенной и стоящей того, чтобы ее прожить»¹². Очень показателен в этом смысле рассказ об апостоле Павле в Ареопаге. Книга *Деяний* показывает, как в Афинах Павел вступает в диалог со всеми, кого встречает, и, в конце концов, оказывается перед судом Ареопага. Свою речь Павел начинает с того, что увидел в городе («культурный плюрализм»), он говорит о жертвеннике *неведомому Богу*. Он не возмущается очевидным идолопоклонством своих слушателей, напротив, он серьезно относится к их религиозному желанию, через это идолопоклонство проявляющемуся. Однако здесь нужно понять, что значит «относится серьезно»? Павел превращает простое желание афинян уберечь от возможного оскорбления исключенного из Пантеона божества в возможность возвестить им «Сего, Которого вы, не зная, чтите»¹³. Таким образом Павел придает новое и более истинное значение тому, что он встречает

10 Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 82.

11 J. Carrón. *La bellezza disarmata*. P. 109–110.

12 *Ibidem*. P. 110–111.

13 *Деян.* 17:23.

в религиозности афинян: он не боится вступить с ними в диалог, слушать их, и в то же самое время он смело возвещает им то, чего они еще не знают, и что способно объяснить им самих себя исчерпывающим образом.

Одна фраза папы Франциска хорошо выражает условие для такого диалога: «Возрождение диалога часто происходит благодаря не словам, но молчанию, благодаря не упорству, а терпеливому слушанию другого, его трудностей, того, что он в себе несет. Исцеление сердца начинается от слушания»¹⁴. Итак, истинная новая культура всегда предполагает серьезное слушание вопросов, провокаций и каждый раз новых вызовов, которые господствующий менталитет бросает Церкви. Мне кажется это неотъемлемой чертой нашей харизмы: позволить себе быть затронутым, раненым этими вопросами, иметь вкус к вызову и вопросам, без уклонения от них во имя предполагаемого «более высокого» интереса. Поэтому провокация, содержащаяся в новых и невиданных вопросах, которые мир ставит перед нами, если мы смиренно выслушаем их, может парадоксальным образом открыть нас к более глубокому пониманию истины Христа и харизмы. Достигая рассмотрения и, возможно, даже прояснения многих вопросов, о которых Джуссани или сама Церковь еще не высказали своего суждения. Так поступал Джуссани. Однако, если Джуссани, например, не сталкивался с вопросами, которые ставит перед нами происходящая антропологическая революция, это не вводит их автоматически в ранг несущественных.

Папа Бенедикт XVI в лекции в Колледже бернардинцев объясняет глубинную причину поведения апостола Павла: «Христиане зарождающейся Церкви рассматривали свое миссионерское возвещение не как пропаганду, которая должна была послужить возрастанию группы, но как неотложную необходимость, исходившую из природы их веры: Бог, в Которого они верили, был Богом всех, Богом Единым и Истинным, явившим Себя в истории Израиля и, в конце концов, в Своем Сыне, давая таким образом ответ, который относился ко всем и которого ждут в своей глубине все люди. Универсальность Бога и универсальность открытого к Нему разума были для них мотивацией и при этом долгом возвещения. Вера для них являлась проявлением не культурного обычая, различающегося от народа к народу, но истины, которая одинаково касается всех»¹⁵.

14 Франциск. *Ангел Господень*, 5 сентября 2021 г.

15 Бенедикт XVI. Встреча с деятелями культуры в Колледже бернардинцев в Париже, 12 сентября 2008 г.

Некоторые христиане рассматривают диалог и культурное суждение как попытку прозелитизма, активизма, как идеологическую и спорную «битву за ценности»: в общем, как проявление интегризма. Для них единственной формой возвещения является привлекательность личной христианской жизни. Но мне кажется, такое понимание не раз порождало двусмысленность, в том числе и среди нас. Если верно, что привлекательность является первым фактором возвещения, то истинно и то, что ее нельзя путать с желанием *нравиться миру* и нежеланием ранить его восприимчивость. Это не может быть критерием действия христианина.

Чтобы сделать следующий шаг, я процитирую другой отрывок из *Безоружной красоты*: «Чтобы понять, какого рода присутствие нужно, чтобы сегодня свидетельствовать о Христе, стоит иметь в виду следующее замечание. Когда нам приходится что-то отстаивать в споре, мы, стремясь придать весомости своему ответу, часто почти неосознанно принимаем ту постановку вопроса, которую обозначил оппонент. Таким образом, нашу позицию определяет то, что ей противоположно, она основана на реакции и не является самобытной, то есть не продиктована опытом веры. Это в очередной раз низводит христианство или его свидетельство до доктрины, набора отдельных ценностей или этики»¹⁶. Это отрывок требует адекватного понимания. Содержащееся здесь суждение конечно справедливо в том, что касается *низведения* христианского свидетельства до воспроизведения доктрины; однако, когда это суждение абсолютизируется или толкуется односторонне, возникает риск возвести в теорию равнодушие к христианской доктрине или даже пренебрежение ею, равнодушие к ценностям и какому бы то ни было этическому идеалу, не задаваясь серьезным вопросом о воспитательных последствиях этой позиции. В той мере, в которой и мы подверглись этому риску, это привело к определенной хрупкости личного суждения о многих очень конкретных аспектах жизни. Вспомним некоторые проблемы, которые мы начали затрагивать на страницах последних номеров «Трачче»: тема привязанности, нравственности, так называемые этические темы, обсуждаемые по сей день, такие, как защита жизни от ее начала и до конца. Человек часто не уверен в отношении оснований, потому что не уверен в отношении культурного суждения, которое порождает действительно живая вера. Культурное суждение неизбежно обладает таким образом личностным характером (основополагающими являются личный риск и творчество), но, если оно в качестве источника не имеет опыт

16 J. Carrón. *La bellezza disarmata*. P. 111–112.

общинной жизни, и поэтому не приобретает форму общинного суждения, то есть «выражающего жизнь проживаемого общения»¹⁷, не рождается новая культура, действительно христианская культура, которую можно предложить миру. Более того, в первую очередь теряемся мы сами. В книге *Прочертить след в истории мира* Джуссани пишет: «Если мы задумаемся над нашим опытом, то обнаружим, как часто, напротив, в нас берет верх эгоцентризм, который сам судит об определяющих качествах События, о своей принадлежности которому мы заявляем и которое не рождается из нас; вместо послушания – утверждение того, что мы сами думаем. Это неумерщвление нашей гордыни, это первородный грех внедряет в изначальную, первозаданную простоту чужеродные тела, направленные другим и нами принятые»¹⁸.

Мне кажется важным отметить, что если ценности, возникшие в христианстве за две тысячи лет, являются основополагающими факторами нашей цивилизации, то их сила заключается в абсолютной разумности ответа события Христа и Его Церкви желанию сердца человека во все времена и в любом месте. Нельзя упустить из виду причины этой разумности. Речь идет не о бесплодной защите абстрактных ценностей, а о необходимом и постоянном предложении и актуализации оснований любой личности, источником которой является лик Воскресшего Христа, присутствующий в истории. Поэтому необходимо постоянно обновлять передачу традиции. Мы все помним, как видя положение Церкви в Италии 1950-х гг. отец Джуссани пришел к выводу, что «традиция или, в целом, человеческий опыт могут длиться в истории, выжить в потоке времени, только если выражаются и сообщаются, опираясь на определенное культурное достоинство»¹⁹. Позже Джуссани неоднократно возвращался к этому вопросу²⁰.

17 L. Giussani. *Sul giudizio comunionale // Tracce*. N. 6. 2001. P. 103.

18 Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. М.: Новое небо. 2019. С. 185.

19 L. Giussani. *Il movimento di Comunione e Liberazione (1954–1986). Conversazioni con Robi Ronza*. Milano: BUR, 2014. P. 12.

20 Так, в уже процитированном выступлении Джуссани на встрече «Студенческой молодежи» 1979 года отец Джуссани отмечал: «Я сказал [папе], что для нас культура – это критическое и систематическое сознание опыта жизни. Критическое, поэтому осознанное понимание причин, и систематическое, не частичное опыта жизни. В этом суть: если вера становится опытом жизни, тогда вера контратакует новой культурой, тогда вера становится побуждением к захватывающей работе для нового восприятия, понимания жизни и мира; для новой антропологии, восприятия человека, чувствования человека, восприятия истории и иного космического восприятия» (FCL. *Documentazione audiovisiva*. Incontro di GS con don Giussani, Milano, 22 febbraio 1979).

Конечно, культурное измерение христианского благовестия сопровождается риском и может, как в случае Павла в Ареопаге, вызывать насмешку или весьма враждебные реакции, вплоть до гонений и мученичества. Возвращаясь к опыту ранних христиан, мы можем заметить, что последователей Иисуса ненавидели не столько потому, что они воспринимались как *иные*, а потому, что вместо того, чтобы изолированно лелеять свою идентичность (замыкаясь на самих себе), они укреплялись в обществе, поднимая вопросы и вынося суждения о нем и о том, что в нем происходило. Христиане вступали в отношение с ближним, не просто говоря: «Ты ошибаешься, а мы правы», – но показывая, что они обладают ключом, объясняющим все факторы реальности, что бросало вызов мировоззрению их собеседников.

Мученичество

В третьей части *Деяний апостолов*, Лука предлагает нам мученическое измерение христианского благовестия. Возможно, сейчас не время углубляться в это, но важно отметить, что, размещая эти три измерения в хронологическом порядке, Лука хочет избежать соблазна подчеркнуть одно из измерений в ущерб другим.

Культурный климат сегодня, вне всякого сомнения, отличается от апостольских времен. Мы живем в «постхристианскую» эпоху, пронизанную релятивизмом и менталитетом «политкорректности», поэтому одно только выражение «культурное суждение» может показаться спорным и не уважающим свободу других. Как сегодня возможно вступать в диалог с уже не христианским обществом, сохраняя справедливое и священное уважение к свободе другого человека, не умаляя при этом благовестия и не сводя христианское притязание к пустому релятивизму? Сегодня ничего не кажется стабильным, больше нет уверенных опор, более того, мир объясняет, что это нормально. Слова Иисуса, обращенные к апостолам: «Вы – соль земли. <...> Вы – свет мира»²¹, – приобретают для нас смысл и вес огромной ответственности перед миром. Следовательно, в первую очередь мы сами, призваны к тому, или лучше сказать к Тому, Кто Единственный – Существенен и Неизменен.

21 Мф. 5:13–14.

Следствия определенного убеждения

Здесь я хотел бы обратиться к некоторым следствиям сказанного, чтобы помочь вынести суждение о нашей актуальной ситуации и о тех шагах, которые мы сделали, делаем и должны сделать.

Первое, что мы должны отметить, глядя на окружающую нас среду, заключается в том, что идеологии не исчезли, они изменились. Так, идеология оппозиции превратилась в идеологию диалога, диалог больше не является инструментом вхождения в отношение с другим, как постоянно напоминает папа Франциск, он стал самоцелью: «участвовать в диалоге ради диалога», устраняя возможный путь к достижению истины, к которой мы, конечно, можем только постоянно и смиренно приближаться. И идеология диалога становится идеологией уравниловки. Именно ее пророчески предсказал Бенедикт XVI, говоря о *диктатуре релятивизма*. Это проблема так же глубоко касается нас, как и всех людей, это проблема, которая касается Церкви, поэтому касается и нас. Она касается времени, в которое мы живем.

Какую истину мы можем предложить? У меня есть только один ответ на этот вопрос: это Христос и новизна, которую Он приносит в жизнь того, кто Его признает и принимает. «Когда это Присутствие [присутствие Христа] пронизывает все жизненные отношения, когда на нем „крепятся“ все отношения, когда они спасены, поняты, упорядочены, использованы в свете этого Присутствия, – тогда появляется новая культура. Она рождается из позиции, занятой по отношению к этому исключительному попределяющему нашу жизнь Присутствию. Поэтому святой Павел говорит: „Это ваше разумное служение“, это ваша культура, это новая точка зрения на мир, на все сущее. Когда человек смотрит на это Присутствие подетски, неважно, ребенок он или взрослый – главное, чтобы взгляд его был лишен всяких „но“ и „если“ и исполнился вопрошания, питающего сердце, – тогда все отношения, близкие и далекие, пронизываются светом, не видным больше никому, кроме тех, кто занимает такую же позицию по отношению к Христу, к Богу, ставшему человеком, к Слову, ставшему плотью»²².

Мы достигаем уверенности в суждении, потому что помогаем друг другу вовлекаться во Христа и Его историческое тело, то есть Церковь. У нас нет другой истины! Как христиане, мы расположены следовать за Ним до креста, по пути, который Христос,

22 Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 184.

в послушании и единстве с Отцом пожелал и должен был пройти. И это конечно сделало Его неудобным, мы тоже неудобны, мы всегда будем неудобны, мы всегда будем без *родины*, пока будем Христовы и *со* Христом. Наш идеал присутствия состоит не в отсутствии позицию, словно мы находимся над схваткой: наш идеал состоит в том, чтобы быть *для* Христа, а это значит совсем противоположное, это значит броситься в бой, неся с собой суждение, которое определяется только отношением со Христом, проживаемом в христианской общине.

Почему все эти вещи так сильно нас касаются? Потому что, как мне кажется, именно по последствиям мы видим подмену убеждения. Образ жизни, образ бытия, наши суждения о конкретных вещах, отношениях, морали, суждения, которые мы выносим, или не выносим и т.д. – все они являются следствием определенного убеждения. Отсутствие суждения о конкретных вещах рисует с самого начала привести к подмене. Иными словами, может произойти падение, поэтому безнравственность, это нельзя забывать (мы грешники!), но когда оно признается человек получает прощение, встает и идет дальше. Но когда падение оправдывается, оно меняет наше убеждение, и тогда рождается иное суждение. Я говорю это и потому, что вижу этот риск и среди нас. Конечно мы верим в то, что существует истина, и что ее можно встретить, что Иисус живет среди нас не как определение, а как Присутствие. Но это утверждение приводит к некоторым важным конкретным следствиям.

Христианская община в диалоге с современностью

Первое следствие: во встрече и в диалоге с современностью есть признание *инаковости*. Я думаю, что риск, которому мы возможно подверглись, состоит в том, что мы измеряли нашу инаковость возможностью пробуждать в тех, кто нас встречает, «положительное удивление». Как если бы проверка состоятельности нашей веры зависела от того одобрения, которое она способна породить. Замечательно, когда это происходит, но это вовсе не обязательно! Может быть совершенно иначе. На самом деле предлагать Христа – это всегда предлагать истину о человеке, содержащуюся в христианском опыте. Именно это должно стать первой заботой христианина, прежде заботы о том, чтобы другой принял нас, непременно согласился с нами. Для Самого Иисуса было так: важным для Его суждения было отношение с Отцом и взгляд на человека, проистекающий из этого отношения, а не признание, которое Он мог получить от людей. Порой Он был весьма неудобным, ненавистным присутствием. «Если мир вас ненавидит, знайте, что

Меня прежде вас возненавидел»²³. Тогда что является критерием, параметром проверки, состоятельна ли наша вера?

В этой связи, я хотел бы сказать еще об одном последствии. Мы сказали, что необходима уверенность в том, чем мы являемся, в своей собственной идентичности. Чем мы стоим? «Идентичность обозначает принадлежность. Невозможно иметь идентичность без определенной принадлежности. Если я хочу знать, кто я, я должен задать себе вопрос: “Кому я принадлежу?”»²⁴.

Как часто слышали мы, как отец Джуссани говорил, что состоятельность нашей личности, нашего лица заключается в принадлежности Богу, Христу, которая открывается через принадлежность Церкви принадлежности Движению, то есть компании, в которую Христос нас поместил и вместе с которой мы продолжаем путь! Именно эта принадлежность является содержанием нового самосознания, которое таким образом возникло в истории, простирается и развивается благодаря определенной истории. И живущий этим самосознанием облакает, я сказал бы неизбежно, в новое суждение и новое действие все, что он встречает, в глубинном единстве с теми, с кем он призван. Это основополагающий момент. Потому что культурное влияние начинается здесь, насыщается этим опытом. Иначе под давлением проблем, которые ставит перед нами среда, господствующего менталитета или осложняющих нашу жизнь обстоятельств, мы поддаемся искушению сузить условия нашего опыта, и думаем, что в конечном счете единственным важным вопросом является (в отличном от понимаемого нами смысле) «самосознание», «личная» позиция. Человек освобождается от риска культурного суждения и присутствия в мире, в конечном итоге уменьшая содержание самосознания и ослабляя саму проверку веры. Я должен сказать, что в той или иной степени это происходило и между нами в прошлые годы. Много раз я видел, как призыв к самосознанию (понимаемому в умаленной перспективе) подменял призыв к культурному суждению или присутствию. Это умаление нашего опыта.

Горизонт проблем, которые ставит жизнь, не может быть сведен к личным заботам. В том числе и потому, что часто проблемы, которые касаются нас лично, являются частью обширного и сложного культурного спектра среды, с которым мы не можем

²³ Ин. 15:18.

²⁴ Франциск. Аудиенция со студентами Миланского института св. Карла, 7 апреля 2019 г.

встречаться в одиночку. Как принадлежность Церкви помогает встречать эти вызовы? Если наша принадлежность не имеет никакого влияния на жизнь, она остается абстрактной. Таким образом каждый выбирает свою дорогу, и если мы находимся вместе только по сентиментальным соображениям, по взаимному приятию, и признанию, то со временем все эти основания исчезают. Отец Джуссани предлагал нам другое: «Что значит жизнь проживаемой компании? Это жизнь, которую мы проживаем вместе, чтобы жить памятью о Христе. Потому что именно в братстве, в братской компании, присутствие Христа несет наибольшее воспитательное содержание, оно передается более великим воспитательным образом и воспринимается более истинным и уверенным образом. Если проживается братское общение, тогда мы можем говорить и о поистине общинном суждении; однако, когда не прилагается никакого усилия, чтобы жить общением, общинное суждение становится поводом для претензии, нашего стремления утвердить свою точку зрения»²⁵. В моем понимании, это ставит серьезные вопросы о нашем разумении присутствия, в том числе культурного.

Второе следствие (первое следствие – это признание инаковости) – это наше присутствие как *дружба*. Я прочитаю очень важные, как мне кажется слова отца Джуссани о Леопарди, хотя мы все прекрасно знаем его чрезвычайно важное значение для его личной истории и истории всего Движения: «Когда я читал Леопарди в третьем классе гимназии – я читал его весь май, и совсем не учился! –, Леопарди был мне врагом. Он гораздо лучше, чем я сам, выражал мои чувства, но он не был мне другом, он был своего рода внешним, экстагическим авторитетом. Только тогда, когда уже в первом классе лицея я начал кое-что понимать, Леопарди стал для меня учителем: он объяснял мне причины своей меланхолии, и я открывал их ошибочность, неправильность. Меланхолия Леопарди проистекала из того, что он что-то упускал из виду. И тогда мне пришлось занять противоположную позицию; но дело не только в том, что я был с ним не согласен, мне было больно за него, и он был мне другом, он стал мне другом. Человек становится другом в той мере, в которой ты впускаешь его внутрь себя, иными словами, в той мере, в которой ты понимаешь, почему он является твоим выражением. Когда ты начинаешь понимать эти причины, критически к ним относится, – то есть лучше пони-

25 L. Giussani. *Sul giudizio comunionale*. P. 103.

мать, или понимать их ограничения – тогда этот авторитет становится твоим другом»²⁶. Именно в этом смысле присутствие становится дружбой для другого человека. Дело не в давлении на друга, устранении разнообразия, чтобы встретиться с ним. Иисус Христос хотел призвать к Себе всех, не стремясь отделить хороших от плохих; все они были Его. И моя, наша миссия состоит в том, чтобы призвать к Нему. Поэтому критика соседствует с предложением дружбы.

Общинное суждение и традиция

Два последних коротких замечания. Первое касается традиции. Вскоре Братство публикует сборник ранее не изданных текстов Джуссани, содержащий его выступления с 1968 г. по 1970 г. В этих текстах отец Джуссани говорит о том, что настало время – он говорил об этом уже тогда – когда уже недостаточно показывать вновь или представлять традицию. Что не значит, что традиция отныне осталась в прошлом. Отец Джуссани не останавливается на этом, и в *Рискованном деле воспитания* говорит: «Прошлое может быть предложено... только, если оно представлено *внутри проживаемого настоящего*»²⁷.

Традиция не теряет своей важности, напротив ее значимость только растет, но ее больше нельзя воспринимать как нечто само собой разумеющееся. Поэтому необходима большая работа по углублению понимания ее значения в свете новых вопросов, которые ставит перед нами современность. Поэтому я чувствую необходимость, чтобы мы все задавали себе вопрос о том, что значит конкретным образом предлагать традицию в настоящем. Это предложение, которое Джуссани делал с самого начала и, которое я вновь предлагаю сегодня: в каких инструментах мы нуждаемся?

Последнее замечание: общинное суждение. Как я уже сказал, прежде всего необходимо слушать другого. Я считаю, что мы иногда грешим определенной предвзятостью, стремясь прийти к суждению, не входя в суть вещей. А слушание важно именно потому, что из него возникает необходимость, стремление к действительно общинному суждению.

26 L. Giussani. «Tu» (o dell'amicizia). Milano: BUR, 1997. P. 35–36.

27 Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. М.: Христианская Россия, 2007. С. 18.

Это суждению, возможно выражаемое разными людьми, показывает, как мы видим вещи. По сути, что такое суждение? Это значит говорить то, что мы видим, когда мы смотрим на вещи. Но глядя на одну и ту же вещь, два человека могут видеть две разных вещи. И поэтому ценность суждения, с одной стороны, состоит в том, чтобы способствовать положительной оппозиции, разумному предложению по сравнению с *господствующим мнением*, с другой стороны – в поддержке тех, кто, не зная почему, чувствует дискомфорт, встречаясь с *господствующим мнением*, поэтому нуждается в дружбе, чтобы по-настоящему проживать свои отношения с истиной. Таким образом, в общинном суждении есть основополагающее воспитательное значение: каким бы общим оно ни было, оно подразумевает работу, движение и, следовательно, присутствие.

Мне кажется, что ваша деятельность как культурных центров может исходить из этого суждения, если вы сами живете верной принадлежностью Движению. Поэтому я завершаю цитатой из книги Джуссани *Уверенные в некоторых великих вещах*, что может побудить к дальнейшим размышлениям, в дополнение к тому, что было сказано, для обсуждения на предстоящем Собрании: «Источник культуры [...] – это опыт проживаемой компании, это опыт проживаемой жизни. Я хотел бы просто заметить, что страсть к истине, которую мы все рассматриваем как пружину для культурного развития, для события культуры, представляет собой ничто иное, как страсть ради факта Христа, и таким образом, страсть ради нашей компании, ради события нашей компании, ради события компании нашего Движения, которое является нашим способом проживать великое событие великой компании Церкви Христа. Иначе, это может быть и будет какая-то культура, но культура не христианская»²⁸.

28 L. Giussani. *Certi di alcune grandi cose (1979–1981)*. Milano: BUR, 2007. P. 260.